

Протасова Ольга Львовна

ОСНОВНЫЕ ИДЕЙНЫЕ ВОПРОСЫ МАРКСИСТСКО-НАРОДНИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ 1890-Х ГГ.

В статье рассматриваются основные пункты идеологической дискуссии между представителями марксизма и народничества - идейных течений, ставших основой отечественного демократического социализма, в ходе которой определились сходства и различия их взглядов на социализм, прогресс и революционные перспективы России. Эта дискуссия стала своеобразным трамплином для оформления в России политических партий социал-демократического и неонароднического толка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/6/18.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (108). С. 74-77. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 947

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются основные пункты идеологической дискуссии между представителями марксизма и народничества – идейных течений, ставших основой отечественного демократического социализма, в ходе которой определились сходства и различия их взглядов на социализм, прогресс и революционные перспективы России. Эта дискуссия стала своеобразным трамплином для оформления в России политических партий социал-демократического и неонароднического толка.

Ключевые слова и фразы: марксизм; демократический социализм; народничество; пролетариат; крестьянство; трудовой народ.

Протасова Ольга Львовна, к.и.н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
olia.protasowa2011@yandex.ru

**ОСНОВНЫЕ ИДЕЙНЫЕ ВОПРОСЫ
МАРКСИСТСКО-НАРОДНИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ 1890-Х ГГ.**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-01-00157а.*

1890-е гг. в России были отмечены ярким состязанием двух популярных идеологий: марксизма, явления на тот момент для страны еще относительно нового, однако чрезвычайно пассионарного, и народничества, имевшего уже солидные традиции и ряд маститых теоретиков. Это был, образно говоря, «большой взрыв» интеллектуально-полемического характера, результатом которого вскоре явилось оформление ведущих политических партий левого сектора – социал-демократов (большевиков и меньшевиков), эсеров и народных социалистов.

Победа в этой идейной «схватке» марксизма, если считать таковой политический триумф большевиков после Октября 1917 г., состоялась, но повлекла за собой уничтожение свободы и демократии, без чего, в общепринятом понимании, социализм не может существовать, не может носить свое название. Уместным представляется поэтому вновь прочно вошедший в обиход термин «демократический социализм», автором которого считается теоретик австрийской межвоенной социал-демократии Отто Бауэр, впервые применивший его в 1919 г. [7, с. 194]. Суть направления, обозначаемого этой формулой, в России выражали марксисты – меньшевики и неонародники – эсеры и энесы. Все они включали в понятие демократии концепции плюрализма с правами демократического меньшинства. Смысл понятия «демократический социализм» указывает не только на идеологическую ориентацию человека, но и на его отношение к жизненно-ценностным установкам, выбору методов деятельности, в том числе и в политической практике, где, как и в повседневной жизни, должны доминировать этические принципы, а отнюдь не максима «цель оправдывает средства».

Процесс зарождения демократической, гражданской культуры в России, как и модернизация, начавшаяся тремя десятилетиями ранее, был, по сравнению с Европой, запоздалым, но шел чрезвычайно форсированными темпами. Подобно всем российским процессам общественно-политического характера, он был неравным, дискретным, проходил в противостоянии отживающих традиций и новаций, сопровождался постепенным преодолением инертности и лености мышления. В то же время короткий инкубационный цикл отечественной модернизации [13, с. 21], особенности социальной структуры огромной полуазиатской страны, характер ее общей и политической культуры способствовали, при патриархальности массового сознания, росту в российской общественно-политической жизни радикализма.

Полемика марксизма и народничества, по сути, была если не стартом, то важнейшей вехой практической работы народолюбивой интеллигенции по избавлению широких масс от тысячелетней дикости и невежества, засилья отживших традиций, догм. Результат этой работы проявился в заметном, для России прямотаки революционном, изменении народного самосознания и – чего в конце XIX в. не мог ожидать самый смелый провидец – в калейдоскопической череде политических событий первой четверти XX века, которых при эволюционном, поступательном развитии общества вполне хватило бы на несколько веков.

Противоречивость, евро-азиатскую «двойственность» (в культурологии обозначаемую как «бинарность» [8, с. 200]) отечественного национального менталитета характеризует, в частности, сочетание в натуре базисного, преобладающего типа русского человека двух начал: индивидуального и коллективного (группового). Русскому вполне свойственны собственные человеческие инстинкты, и он не настолько растворен в коллективном, общинном «мы», как, скажем, представитель восточноазиатской культуры – в этом проявляется индивидуальное начало. В то же время стремление к привычным формам совместной, артельной, общинной деятельности, как показал опыт, хотя бы, столыпинской реформы, трудноистребимо в нашем соотечественнике (вспомним поговорку «на миру и смерть красна»). То, что предлагалось в качестве идейного ориентира всеми искренними доброжелателями народа – от либералов до марксистов, – принималось отнюдь не безоговорочно. Индивидуалистические ориентиры на приоритет личности и ее свобод, предлагаемые либералами, наиболее грамотными в правовом отношении людьми в России, мало соответствовали привычному общинному бытию и сознанию большинства российского населения, его «коллективным представлениям» и круговой

поруке. Идеи марксизма с его опорой на всесторонний коллективизм и гегемонию рабочего класса, на тот момент еще не достигшего в России необходимого развития, также были не вполне понятны народным массам крестьянского происхождения. Формирование первых ростков демократической культуры России началось, по мнению Н. Б. Селунской и Р. Тоштендаля, в 1905-1907 гг. и выражалось в постепенном приобщении широких слоев населения России к участию (как непосредственному, так и опосредованному, через систему представительства) в принятии решений по вопросам, важным для государства и общества [14, с. 125]. Однако идеологическая подготовка к нему шла уже не одно десятилетие, и марксистско-народническая полемическая схватка явилась своего рода «генеральной репетицией» начала отечественного активизма, ознаменовавшего беспрецедентно бурной партизацией общества.

По словам историка А. В. Шубина: «Россия в тот момент превращалась в важную идейную лабораторию, недооцененную западными идеологами социализма вплоть до 1905 года» [15, с. 496]. Этот же исследователь справедливо отмечает, что «явление марксизма в России проходило в такой форме, что обмен идеями то и дело перерастал в склоку, да и само наследие Маркса не столько углублялось, сколько примитивизировалось для более удобного потребления рабочими и студенческой молодежью» [Там же, с. 498]. Не последнюю роль в этом идейном упрощении, как и скандальности форм ведения политической дискуссии, сыграл В. И. Ленин, не терпевший плюрализма мнений ни внутри своей партии, ни за ее пределами. Для него эта полемика стала трамплином политической карьеры, как, впрочем, и для многих еще более молодых людей, выбравших публичную политику как сферу приложения своей активности. По воспоминаниям Н. В. Вольского (Валентинова), отдавшего предпочтение марксизму, это течение в большей степени привлекало именно молодежь, так как внушало оптимизм, «уверенность, что развивающаяся экономика, крепнущий капитализм, разлагая и стирая основу старого общества, создает новые общественные силы (среди них и мы), которые непременно повалят самодержавный строй со всеми его гадостями» [2, с. 40]. Европеизм – еще одно качество, привлекавшее в ряды марксистов юных и энергичных людей, склонных романтизировать, «сентиментально раскрашивать» преимущества буржуазного строя, которых не было в России (парламент, партии, собрания, свобода печати и т.д.) и которые они, марксисты, намеревались со временем на родине дополнить социальным равенством и справедливостью [Там же]. Представитель «экономизма» – правого крыла русской социал-демократии – В. П. Акимов (Махновец) сообщал: «Социал-демократы сознавали необходимость прочного обоснования своего мирозерцания и потому отдавали главную часть своих сил теоретическим работам и спорам с социалистами старого течения» [1, с. 37] (*имелись в виду народники – О. П.*), так как считали пролетариат слоем «живым, революционным, создающим будущее» [Там же, с. 170]. Видный же неонародник, основатель и лидер народно-социалистической партии А. В. Пешехонов рассказывал, что эти «препирательства с марксистами» в значительной мере определили его мирозерцание, в результате чего он стал сознательным и убежденным народником [11, с. 289]. Отметим, что люди, выбравшие народничество в качестве «своего» направления, были в среднем на несколько лет старше, чем неопиты марксизма. Большинство из них не умозрительно – со студенческой скамьи, – а на практике, в ходе своей профессиональной деятельности в качестве служащих земств, столкнулось с проблемами того самого народа, чьи интересы они взялись выражать и защищать. Боевитости и задора, столь привлекавших юных поклонников марксизма, им было явно недостаточно, их анализ российской социальной действительности был более обдуманым и реалистичным. Известный эсер М. В. Вишняк, ушедший из жизни одним из последних среди деятелей российского социализма, как говорится, «первого призыва», на склоне лет вспоминал, что еще в молодости, в период выбора идейного пути, «понимание социализма как идеологии и морали, присущей определенному классу, не говоря уже о доктрине философского и исторического материализма» [4, с. 99], было ему абсолютно чуждо. По признанию Вишняка, это исключало для него вступление в организацию РСДРП. Впрочем, предложив свои услуги партии, он «попросил освободить себя от связанности» по пунктам террора и «“братоубийственной” борьбы эсдеков с эс-эрами и обратно» [Там же, с. 100].

А. В. Пешехонов признавал, что идейная борьба с марксизмом сослужила народничеству добрую службу, оформила и консолидировала как течение, ибо заставила его, «разрыхлившееся за годы безвременья, пересмотреть свой идейный багаж, пополнить и обновить его» [12, с. 150]. Он полагал, что, хотя старых народников справедливо упрекали за идеализацию народа, эта идеализация сыграла и положительную роль, «повернув» к народу интеллигенцию. Кстати, старое легальное народничество вполне может рассматриваться как предтеча российского демократического социализма, ибо оно располагало набором этических средств, которые любому демократу стоило бы взять на вооружение. Так, наглядным примером «ценностно-рациональных действий» (по определению М. Вебера) и установки на приоритет «движения» перед «целью» (по формуле Э. Бернштейна), на чем особенно настаивали родоначальники европейского демократического социализма, вполне может послужить практиковавшееся в рамках легального народничества культурничество и, в частности, так называемая теория «малых дел» Я. В. Абрамова, обнародованная еще в 1880-х гг. Деятельность проводников этой теории в жизнь планировалась как «выплата долга» народу в мирных формах и должна была интеллектуализировать село, реализовать просветительский проект вместо революционного. То, что революционеры надеялись осуществить после революции – обеспечить культурное освобождение крестьянства, – легальные народники готовились сделать в рамках наличествовавшего строя [15, с. 478].

Заметим, у легальных народников был «аналог» в социал-демократической среде. Примерно то же самое, только в отношении рабочих, пытались сделать демократические последователи марксизма – «экономисты» (их взгляды примыкали к бернштейнианству и «легальному марксизму»), – безжалостно и несправедливо раскритикованные Лениным за «политический кретинизм, теоретическую отсталость и организационный

хвостизм» [2, с. 121]. Главной задачей текущего момента они считали не организацию немедленной революции со сменой социального строя, а планомерное развитие, просвещение рабочих, дело трудное и долгое, подобное «прокладыванию лесной дороги через густые заросли» [1, с. 36], для того, чтобы те смогли выполнить свою классовую миссию гегемона при построении нового, передового, справедливого, демократического общества.

У исторической полемики народничества и революционного марксизма было как минимум два «краеугольных камня»: определение социалистических классов и оценка степени развития капитализма в России, являющейся показателем возможности (или невозможности) скорого перехода к социализму. Марксизм упорно отстаивал тезис о пролетариате как единственном социалистическом классе, создающем своим трудом материальные ценности; народничество определяло круг потенциальной опоры социализма значительно шире. Как позднее писал Н. К. Михайловский о первых русских марксистах, «они преклонялись перед единоспасающим идолом “экономического фактора”, они издевались над правом нравственного суда над явлениями общественной жизни, они выбрасывали за борт истории многомиллионную массу крестьянства ради его “деревенского идиотизма”, они третировали интеллигенцию как ничтожную или состоящую на содержании “величину”...» [Цит. по: 15, с. 498]. В своих ранних статьях в «Русском богатстве» А. В. Пешехонов доказывал несостоятельность категоричного зачисления крестьянства в разряд мелкой буржуазии, собственников, неспособных проникнуться передовыми идеями о равенстве и социальной справедливости. Тогдашний неопит народничества рассматривал крестьянство как трудовой и вполне социалистический класс, составляющий основную часть «трудового народа» и с этой точки зрения ничем в принципе не отличающийся от пролетариата. По мнению теоретиков неонародничества, идея о классово самостоятельной позиции пролетариата в социальной борьбе была «беспочвенной», так как грозила изоляцией пролетариата от других общественных слоев, прежде всего от крестьянства. По второму вопросу, о развитии капитализма в России, обе стороны могут быть признаны, каждая по своему, правыми: марксисты – в том, что капитализм должен послужить основой модернизации страны; народники – в том, что, поскольку Россия была преимущественно крестьянской страной, развитие капитализма в ней должно пойти по особому пути. Народники настаивали, что «экономика России может развиваться без разрушения традиционного сельского мира, сохраняя такие предпосылки социализма, как соединение работника и средств производства, общинное самоуправление» [Там же, с. 500]. По их убеждению, разорение крестьянства приведет к сужению рынка и затормозит развитие хозяйства. В социализме они видели не сверхиндустриальную систему, а общество, организованное на основе самоуправления. Лидер эсеров В. М. Чернов заявлял, что «на пути к социализму потребуется преодолеть множество препятствий, среди которых наиболее важными будут интеллектуальные, моральные и психологические, ведь новый строй будет нуждаться в новом человеке, а его не может быть без воспитания и перевоспитания личности» [6, с. 127]. Для народников снимался обязательный для всякого марксиста вопрос о соотношении задач и этапов буржуазной и социалистической революций.

Можно сказать, что в результате этой полемики совершился выход на публицистическую авансцену народников-аналитиков нового поколения, неонародников, менее академичных, чем их высокоинтеллектуальные предшественники В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, Н. К. Михайловский и др., но гораздо более общественно мобильных, активных, желавших посредством журналистики популяризировать и пропагандировать свои политические взгляды. Многие из них стали участниками революционных событий начала XX в., создателями новой политической системы в Российском государстве. Так, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин и др. с головой ушли в политику, организовав народно-социалистическую партию, заявившую собственные программные требования, представлявшие собой симбиоз эволюционного, демократического социализма и даже отчасти либеральных установок с акцентом на ценность человеческой личности, ее прав и свобод. Они заимствовали от своего учителя Н. К. Михайловского социально-этическое учение об интеллигенции и ее неоплатном долге перед народом [9, с. 268]. По признанию известного публициста «Русского богатства» А. Б. Петрищева, до революции 1905 г. общие условия жизни надолго исключали для барина и мужика возможность «сойтись на совместном деле»; революция же создала некий общий язык, одинаково понятный и интеллигенту, и мужику. «“Интеллигент-барин” получил возможность стать идейным руководителем народного движения» [Цит. по: Там же], чем не замедлил воспользоваться. Партия эсеров, разделявшая народнические идеи, со временем стала самой массовой в России.

Итак, в дискуссии между народниками и марксистами и те, и другие формулировали основные проблемы, однако ни тем, ни другим не удавалось предвидеть будущего. Последующий российский революционный опыт показал, что уровень развития страны был явно недостаточным для построения социализма как общества без элитарного класса и эксплуатации. Это делает и сейчас актуальными размышления народников о таком социализме, который будет вытекать не из промышленного роста, а из приоритетов социальной справедливости, интересов личности, бережного отношения к природной среде. То, что в 1917 году неонародники, эсеры и энесы выступили в поддержку «буржуазной» политической демократии, а революционные марксисты ликвидировали ее (несмотря на то, что в дискуссиях с народниками в 1890-х годах все они, включая Ленина, ее защищали), явилось гегелевской «иронией истории» [16]. Предвидение народниками того, что за свержением самодержавия в России последует социалистическая революция и что она произойдет не через слишком долгое время после буржуазной революции, оказалось верным. Однако «оптимистическая вера народников в то, что подобное развитие не повлечет за собой слишком высокой “цены прогресса”, что социалистическая индустриализация после революции... не потребует больших человеческих жертв,... оказалась необоснованной» [Там же].

Со временем идейные и тактические разногласия между бывшими марксистами-демократами и народниками за утратой актуальности исчезли, а в 1952 г. социалистами-эмигрантами, оставшимися к тому времени в живых, было подписано воззвание о создании единой социалистической партии, в котором говорилось: «Теперь уже не может быть сомнения в том, что “социализм” без свободы означает худший вид рабства и бесчеловечного варварства. Теперь уже потеряли смысл все старые споры и взаимоотношения между социализмом и демократией. Демократия для нас является неотъемлемой частью самого социализма, она входит в самое название социализма» [Цит. по: 10, с. 45]. В этом обращении меньшевики и эсеры «уже не трактовались как “друзья-враги”, а признаны были “родственным течением”», призванным в послебольшевистской России влиться в «единую социалистическую партию, широкую, терпимую, гуманитарную и свобододолюбивую» [3, с. 217]. Обращение подчеркивало одновременно архаичность многого, что разделяло в течение полувека марксистов и народников, созданные ими партии. «История сняла вопросы о путях развития России; о возможности для нее миновать буржуазно-капиталистическую стадию в силу особых свойств русского крестьянства; о роли личности в истории и роли крестьянства как активного фактора в революции и приближении к социализму» [Там же]. Хотя это заявление содержало много мудрости и терпимости, которых так не хватало демократическим социалистам на заре и на пике их карьеры, в период практического приложения созидательных сил и творческого потенциала, оно явно запоздало. В 1970 г. один из последних долгожителей-социалистов М. В. Вишняк сказал: «Наша и предшествовавшая нашему поколению российская интеллигенция оказалась в числе тех, кого французы называют “защитниками проигранных дел” или среди “великих неудачников” XX века, невзирая на все частичные достижения и временные удачи, как и бескорыстную жертвенность» [Там же, с. 263-264]. Однако и сегодня демократический социализм в российском варианте, стартовым этапом которого стало состязание молодых марксистов и народников в конце XIX в., может дать мудрые рекомендации по воспитанию гражданского самосознания, привитию этических принципов политикам, а, главное, может послужить примером подлинной заботы о народе и желания сделать его жизнь лучше и справедливее. Бесценен и политический опыт, приобретенный и осмысленный российскими социалистами-демократами, переданный потомкам в форме интеллектуального и публицистического наследия.

Список литературы

1. **Акимов В. П.** Очерк развития социал-демократии в России. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 176 с.
2. **Валентинов Н.** Недорисованный портрет. М.: Терра, 1993. 560 с.
3. **Вишняк М. В.** Годы эмиграции. 1919-1969. Париж – Нью-Йорк (воспоминания) [Электронный ресурс]. URL: socialist.memo.ru/books/memoires.htm (дата обращения: 02.02.2016).
4. **Вишняк М. В.** Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 414 с.
5. **Зверев В. В.** Русское народничество: учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 2009. 286 с.
6. **Кадиков Э. Р.** Аграрный вопрос в России в начале XX в.: взгляд социалистов-революционеров // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции / предисл. К.Н. Морозова. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 117-127.
7. **Кукушкина И. А.** Красная Вена: теория и практика австрийского демократического социализма // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции / предисл. К.Н. Морозова. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 194-201.
8. **Культурология. Теория и история культуры:** учебное пособие / под ред. В. Н. Добрыниной. М.: Общество «Знание» России; ЦИНО, 1996. 272 с.
9. **Мокшин Г. Н.** Эволюция взглядов легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж: Научная книга, 2010. 299 с.
10. **Морозов К. Н.** «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: сб. материалов конференции / отв. ред. К. Н. Морозов; сост. К. Н. Морозов, А. Ю. Суслов. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2014. С. 37-56.
11. **Пешехонов А. В.** На очередные темы // Русское богатство. 1912. № 12. С. 269-301.
12. **Политическая история России в партиях и лицах.** М.: ТЕРРА, 1994. 304 с.
13. **Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина** / В. Л. Дьячков и др. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. 160 с.
14. **Селунская Н. Б., Тоштендаль Р.** Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2005. 336 с.
15. **Шубин А. В.** Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 744 с.
16. www.situation.ru/app/j_art_175.htm (дата обращения: 02.02.2016).

BASIC IDEOLOGICAL PROBLEMS OF MARXISM-POPULISM POLEMICS OF THE 1890S

Protasova Ol'ga L'vovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State Technical University
olia.protasowa2011@yandex.ru

The article examines the key points of ideological discussion between the representatives of Marxism and populism – the ideological trends, which became a basis of domestic democratic socialism. The dispute revealed the similarities and differences of their views on socialism, progress and revolutionary prospects of Russia. This discussion became a kind of springboard to establish political parties of socio-democratic and neo-populist trend in Russia.

Key words and phrases: Marxism; democratic socialism; populism; proletariat; peasantry; working people.